

Людмила Павловна ГАРБУЛЬ

Вильнюсский университет

**“Простая мова” как проводник польского влияния
на русский приказный язык второй половины
XVI–первой половины XVII в.**

Предпринятое нами исследование польского влияния на одну из разновидностей русского делового языка второй половины XVI–первой половины XVII в.¹, в частности на дипломатическую корреспонденцию Московского государства (далее — МГ)² по сношениям с западноевропейскими державами: Англией, Голландией, Данией, Италией, Молдавским княжеством и Валахией, Речью Посполитой (Польшей и Великим княжеством Литовским — далее ВкЛ), Священной Римской империей, Францией и Швецией, с целью установления значимости фактора иноязычного, а именно польского, влияния в формировании русского литературного языка нового типа показало, что в указанный период польское воздействие на русский язык возрастает не только в количественном отношении, но становится иным и в качественном плане. Это приводит к тесному взаимодействию лексико-семантических систем контактирующих языков на более глубинном уровне.

В это время происходит не просто пополнение словарного состава русского письменного языка, но и обогащение русской лексики на семантическом уровне. Так, в дипломатике МГ второй половины XVI–первой половины XVII в. нами было обнаружено 296 лексем, 218 из которых, по нашему мнению, а еще 78, и согласно данным других исследователей, в рассматриваемых значениях являются семантическими кальками с польского. При этом в 173 случаях факт семантического калькирования был установлен нами впервые и для 82 заимствований была удревнена хронология появления анализируемого значения в русском письменном языке, а 43 лексемы этой группы в выявленных нами значениях до сих пор вообще не фиксировались в русской письменности. Еще 66 предполагаемых семантических заимствований из поль-

ского были подвергнуты процедуре верификации и для 52 из них факт калькирования удалось подтвердить, причем у 34 таких заимствований была передвинута нижняя хронологическая граница анализируемого значения. Поскольку у 22 лексем из 296 было заимствовано два значения, а у одной — три, то в общей сложности нами было установлено 319 случаев семантического калькирования с польского языка.

По два заимствованных значения выявлено у лексем: *ажь* 'вплоть до; почти до, чуть ли не', 'даже'; *вытиснути* 'сделать посредством тиснения (надпись, узор и т. п.); отпечатать, напечатать', 'добиться от кого-л. чего-л. желаемого, оказывая давление, путем принуждения'; *до* с род. п. 'для', 'к'; *заказь* 'приказ, наказ, повеление', 'запрещение, запрет'; *засьдати (заседати)* 'быть членом какого-л. совещательного, исполнительного органа и т. п.; занимать какой-л. пост, должность', 'проводя заседание, коллективно обсуждать, решать какие-л. вопросы; участвовать в заседании'; *знакъ* 'признак, свидетельство', 'знак, рисунок как символическое обозначение чего-л.; клеймо'; *комора* 'комната, жилое помещение в доме; палата, зал; спальня, опочивальня', 'кладовая, хранилище, склад; торговое помещение'; *кровный* 'родной по крови, одной крови; связанный родственными отношениями; основанный на общем происхождении', 'родственник'; *мьшати (мешати)* 'путать, принимать одно за другое; смешивать', 'являться помехой, создавать препятствия в чем-л., расстраивать планы'; *мимо* с род. п. 'вопреки, наперекор', с вин. п. 'вопреки, наперекор'; *надлежати* 'относиться, принадлежать, прилежать к чему-л.', безл. 'должно, следует, подобает'; *належати* 'принадлежать кому-, чему-л., быть чьей-л. собственностью; принадлежать к кому-, чему-л.; относиться к чему-л. территориально, прилегать; входить в состав чего-л.', 'относиться к кому-, чему-л., касаться кого-, чего-л.; находиться в чьем-л. ведении, компетенции'; *наука* 'ученье, изучение чего-л.; обучение', 'наука, отрасль человеческих знаний'; *отбити* 'отбить, отбросить противника', 'силой, с боем отнять'; *отмьнный* 'изменчивый, непостоянный', 'имеющий отличие, отличающийся от других, не такой, как другие'; *подъездь* 'поездка с разведочной целью, разведка; дозор', 'небольшой разведывательный отряд, дозор; передовой разезд'; *покой* 'мир, отсутствие войны', 'комната, помещение в жилом строении'; *презь* с вин. п. 'при помощи, при посредстве кого-, чего-л.; через (посредство) кого-л.', 'вопреки, наперекор'; *скарбь* 'богатства, сокровища', 'казна'; *склонити* 'расположить к кому-, чему-л., привлечь на чью-л. сторону', 'убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л.'; *спьшити (спешити)* 'стараться делать, исполнять что-л. как можно скорее; торопиться', 'быстро идти, ехать; направляться, устремляться куда-л.; спешить'; *справитися* 'узнать что-л., осведо-

миться, справиться о чем-л.', 'отчитаться перед кем-л. в чем-л.; объяснить; оправдаться, загладить вину'; три заимствованных значения – у лексемы *imieci* (*имети*): 'в прош. вр. с инф. – а) как вспомогательный глагол для образования прошедшего времени (с оттенком модальности) 'быть должным (обязанным) делать что-л.', б) как вспомогательный глагол при образовании будущего времени для выражения предполагаемого действия, того, что должно случиться, что является будущим по отношению к прошедшему; а также значение 'иметь что-л. на себе; быть одетым во что-л.'³.

Примечательно, что этот поток семантических заимствований из польского в интересующий нас период проникал в русскую приказную письменность благодаря весьма активному посредничеству "простой мовы"⁴. Так, по нашим данным, приблизительно в 80% случаев именно "простая мова" выступала в роли посредника в процессе семантического калькирования русским языком с польского, сильное влияние которого она испытывала в XVI–XVII вв. [см.: Соболевский 1980, 65; Карский 1962, 331; Трубецкой 1990, 133; Худаш 1960; Плющ 1961, 229; Белодед и др. 1962, 85–86; Рогаль 1968; Гумецкая 1969; Witkowski 1969; ГЛБМ 91, 95; Булыка 1972; 1980; Романова 1972, 48–50; Rytter 1973, 44; Brogi Bercoff 1999, 15, 20; Мозер 2002, 246; Успенский 2002, 387; Лавриненко 2006, 211].

Такая роль "простой мовы", на наш взгляд, может объясняться тем, что, будучи сама создана на базе канцелярского языка ВкЛ, она, естественно, могла оказывать влияние именно и только на приказный язык Московской Руси, поскольку в исследуемый нами период на великорусской территории, согласно мнению Б.А. Успенского [2002, 394], отсутствовало парное эквивалентное "простой мове" явление. Кроме того, существовала более давняя традиция использования еще в XV–первой половине XVI в. в церковной и государственной дипломатике МГ канцелярского языка ВкЛ [см. Zoltán 1987, 101]. Не исключено также, что в составе персонала Посольского приказа могли быть выходцы из ВкЛ [см. Хорошкевич 1980, 233], а также жители Немецкой слободы [Gardiner 1963, 110], которыми польские по происхождению элементы, бытовавшие уже в деловой письменности ВкЛ, а затем и в "простой мове", в силу их билингвизма (полилингвизма) не воспринимались как нечто чужое и широко использовались, проникая благодаря им и в русскую приказную письменность. Итак, согласно нашим данным, "простая мова" в XVI–XVII вв., несомненно, способствовала весьма существенному польскому воздействию на лексико-семантическую систему русского языка, что привело к пополнению его новыми элементами.

Однако роль "простой мовы" в истории русского литературного языка не исчерпывается только этим. По замечанию Б.А. Успенского [1994,

86], поддерживаемому в новейших исследованиях по этой проблематике [см. Мозер 2002, 227], значение “простой мовы” для истории русского литературного языка, как это ни парадоксально, было не меньшим, если не большим, чем значение этого феномена для истории украинского или белорусского языков. Действительно, ни в хронологическом, ни в структурном отношении “простая мова” не стала связующим звеном между церковнославянскими традициями и новыми белорусским и украинским языками, тогда как на историю русского литературного языка она оказала очень существенное влияние. Так, следуя именно югозападнорусской языковой ситуации XVI–XVII вв., мы выделяем сегодня “русский” как антитезу “церковнославянскому” языку. И если церковнославянский язык югозападнорусской редакции непосредственно влиял на русский церковнославянский язык, то непосредственное влияние „простой мовы“, как отмечалось выше, исключалось из-за отсутствия парного ей эквивалента в Московской Руси, но в силу самой своей природы она, по нашим наблюдениям, оказывала влияние на приказный язык. В составе же этого языка дипломатическая корреспонденция XVI–XVII вв. была практически единственным возможным видом фиксации различных отклонений от норм книжного (церковнославянского) языка, в том числе и иноязычных элементов (в нашем случае польских), что создавало предпосылки и для влияния польского языка на другие сферы языковой деятельности, в частности на книжный язык Московской Руси [см. Живов 1986, 259].

Связь же приказного языка с живой русской речью и открытость в силу объективных причин для всякого рода внешних воздействий (последнее особенно касается дипломатики) позволяет говорить о его стратегическом влиянии на языковую ситуацию Московской Руси в период позднего средневековья (XVI–XVII вв.) и большом значении в процессе формирования русского литературного языка⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В рамках исторических событий внутренней жизни Московской Руси это период от начала Смуты (1598 г.) до середины XVII в., включая воссоединение Украины с Россией в 1654 г.

² В исследовании были использованы опубликованные посольские книги и их фрагменты. Отличительной особенностью этих документов является многосторонность заключенных в них сведений по самым разным вопросам как внешней политики, так и внутренней жизни. Посольские книги включают в себя (как правило, в копиях) разнообразные документы: договоры и трактаты; грамоты “верющие” (верительные), “ответные”, договорные; переписку приказа с послами, посланниками и гонцами; указы (часто очень детальные) посольствам; “вести” от русских пред-

ставителей за рубежом и статейные списки — подробные отчеты русских дипломатических представителей о пути следования в страну назначения (путевой дневник), встречах и переговорах с иностранными представителями и их уполномоченными, кроме того, они содержат информацию о различных событиях, фактах и личные наблюдения. В статейные списки, особенно в XVII в., включалось много сведений о быте и нравах за границей, о внутреннем строе и порядках в зарубежных странах, их истории, этнографии, географии и природных богатствах. Изложение указанной информации в живой свободной форме нередко вносит в язык этих документов элемент непринужденности и даже художественности [см. Лихачев 1954, 319–346].

³ Другой фактический материал о семантических полонизмах в русском письменном языке второй половины XVI–первой половины XVII в. представлен в публикациях автора данной статьи: [Гарбуль 2002; 2003; 2004; 2005а; 2005б].

⁴ Определяя это языковое явление, мы основываемся на дефиниции М. Мозера [2002, 221, 223], отмечающего, что “простая мова”, выступавшая в XVI–XVII вв. в функции одного из письменных языков украинцев и белорусов, “представляет собой литературно обработанную надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на основе общего “русского” (= украинско-белорусского) делового языка”.

⁵ На это указывают не только данные научных исследований второй половины XX–начала XXI в. [см. Унбегаун 1965/1969, 312–318; Кортава 1998; Трофимович 2003, 5; Никитин 2004, 3, 4, 11, 15, 19; 2005, 81–88], о значимой роли приказного языка в этом процессе в XVI–XVII вв. и в более позднее время свидетельствует и такой факт из истории перевода с латыни *Географии генеральной* Б. Варения, выполненного Ф. Поликарповым в 1718 г.: первый вариант перевода был забракован Петром I, а переводчик получил указание начальника Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина: “...высокихъ словъ словенскихъ класть не надобять, но Польского приказу употреби слова” [РА 1868, 1054].

ЛИТЕРАТУРА

Broggi Bercoff G., 1999: О языковой ситуации в Великом княжестве Литовском и в России (конец XVI–начало XVII века), *Studia Russica*, XXII. 11–21.

Gardiner S.C., 1963: Translation Technique in 17-th Century Russia, *Slavonic and East European Review*, 42. 110–135.

Rytter G., 1973: Przyczynki do historii leksyki rosyjskiej XVI–XVII wieku, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne*, seria I, 97. 43–50.

Witkowski W., 1969: *Język utworów Joannicjusza Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w.* Kraków.

Zoltán A., 1987: *Fejezetek az orosz szókincs történetéből.* Из истории русской лексики. Budapest.

Белодед И.К., Ижакевич Г.П., Франко З.Т., 1962: Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI–начале XVIII в., in *Вопросы образования восточнославянских национальных языков.* Москва, 80–89.

Булыка А.М., 1972: *Даўня запазычанні беларускай мовы.* Мінск.

Булыка А.М., 1980: *Лексічныя запазычання ў беларускай мове.* Мінск.

Гарбуль Л.П., 2002: К проблеме семантических полонизмов в русском приказном языке первой половины XVII века, *Slavistica Vilnensis 2002* (Kalbotyга, 51(2)). 49–62.

Гарбуль Л.П., 2003: Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII века, *Slavistica Vilnensis 2003* (Kalbotyга, 52(2)). 187–192.

Гарбуль Л., 2004: К истории некоторых полонизмов в русском языке, *Respectus Philologicus*, 6(11). 45–55.

Гарбуль Л.П., 2005а: Из истории лексем *свято, склад, склонить, склониться* в русском языке, *Slavistica Vilnensis 2004* (Kalbotyга, 53(2)). 167–177.

Гарбуль Л., 2005б: Польский язык как источник семантических калек в русском приказном языке XVII в., in *Ogród nauk filologicznych*. Opole, 189–201.

ГЛБМ = Баханькоў А. Я., Жураўскі А. І., Суднік М. Р. (рэд.). *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск, 1970.

Гумецкая Л.Л., 1969: К истории украинско-польских языковых связей, in *Исследования по польскому языку*. Москва, 219–228.

Живов В.М., 1986: Новые материалы для истории перевода “Географии генеральной” Бернарда Варения, *Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка*, 45(3). 246–260.

Карский Е.Ф., 1962: *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва.

Кортава Т.В., 1998: *Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка*. Москва.

Лавриненко А., 2006: О некоторых полонизмах и их восточнославянских соответствиях в деловой письменности южной и юго-западной Руси XIV–XV веков, *Studia wschodniosłowiańskie* (Białystok), 6. 209–226.

Лихачев Д.С., 1954: Повести русских послов как памятники литературы, in *Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки*. Москва–Ленинград, 319–346.

Мозер М., 2002: Что такое “простая мова”?, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47(3/4). 221–260.

Никитин О.В., 2004: *Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва.

Никитин О.В., 2005: Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства), *Филологические науки*, 1. 81–88.

Плющ П.П., 1961: Русская “простая мова” на Украине в XVI–XVII веках, in *Начальный этап формирования русского национального языка*. Ленинград, 219–236.

РА 1868 = Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Муסיным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа, *Русский архив*, 7–9. 1054.

Романова Н.П., 1972: Вивчення українсько-польських мовних контактів у слов'янській філологічній науці, *Мовознавство*, № 4. 41–50.

Соболевский А.И., 1980: *История русского литературного языка*. Ленинград.

Трофимович Т.П., 2003: *Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности*. Минск.

Трубецкой Н.С., 1990: Общеславянский элемент в русской культуре, *Вопросы языкознания*, № 2. 122–139.

Унбегаун Б., 1965/1969: Язык русского права, in *Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева*. Нью-Йорк. Цит. по изд.: Unbegaun B. O., 1969: *Selected Papers on Russian and Slavonic Philology*. Oxford, 312–318.

Успенский Б.А., 1994: *Краткий очерк истории русского литературного языка*. Москва.

Успенский Б.А., 2002: *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва.

Хорошкевич А.Л., 1980: *Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.* Москва.

Худаш М.Л., 1960: Спостереження над лексичними полонізмами в українській актовій мові кінця XVI–поч. XVII ст., in *Дослідження і матеріали з української мови*, т. III. Київ.

E-mail: liudmila.garbul@ff.vu.lt

Ноябрь 2008 г.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL

The “Prostaja Mova” as a Bearer of Polish Influence on the Russian Chancery (prikaznyj) Language in Late Sixteenth and Early Seventeenth Century

The article is devoted to the issue of the Polish influence on the Russian chancery (*prikaznyj*) language, which was of particular importance for the formation process of a new type of literary Russian. Using diplomatic correspondence from the era of Muscovite Russia as the source of study, the author provides generalized data on the intensity and profundity of the Polish influence on the lexical-semantic system of Russian as expressed through active mediation of the “prostaja mova”. However, the mova’s function was much broader. As a result, the author emphasizes its importance in the creation of the prerequisites necessary for change in the language of seventeenth-century Muscovite Russia.